

Сергей Кара-Мурза (1939)

ИРОНИЯ СУДЬБЫ ЭЛЬДАРА РЯЗАНОВА, ИЛИ ОБРАЗ ИНТЕЛЛИГЕНТА БЕЗ РЕФЛЕКСИИ

Глава из книги «Потерянный разум», 2005

Бывший советский кинорежиссер Эльдар Рязанов стал при Ельцине придворным деятелем кино, в Новогодние праздники его фильмы идут сразу по нескольким каналам телевидения. О нынешних конъюнктурных фильмах говорить не будем, — это, мягко говоря, явление упадка. Но старый фильм «Ирония судьбы или с лёгким паром» люди смотрят с удовольствием.

Сейчас, когда сюжет фильма знаком до мелочей, начинаешь видеть в нем второй план, возникающий при сравнении показанной в нем реальности 70-х годов с нынешней реальностью — и одновременно с траекторией самого Э. Рязанова. В этом фильме стала видна не ирония, а какое-то сатанинское издевательство судьбы — над жизненными установками Э. Рязанова и, косвенно, его любимых героев.

Как и всякое хорошее произведение искусства, этот фильм живет во времени, и смыслы его развиваются вместе с нами. Тот факт, что фильм этот — рождественская сказка, вовсе не снижает груз смыслов, который несет каждый образ. Напротив, в рождественских сказках как раз ухватывается нечто главное. Думаю, можно принять, что главные герои фильма, в отличие от их антипода Ипполита, по своему социальному, культурному и мировоззренческому складу близки и глубоко симпатичны Э. Рязанову. Он — их певец.

Когда Э. Рязанов снимал фильм, он, скорее всего, мечтал, как и многие интеллигенты, о «социализме с лицом Брыльской». Но это как раз и оказалось антисоветизмом — и потому без больших душевных потрясений Э. Рязанов сдвинулся к прославлению «капитализма с лицом Ельцина». А раньше он точно соблюдал на людях нормы лояльности и был «внутренним эмигрантом», как множество других таких же представителей элиты. Э. Рязанов и своих близких ему героев делал слегка ироничными по отношению к советской реальности, слегка такими же «эмигрантами». Это, кстати, и придавало его фильмам ту пикантность, которая высоко ценилась на рынке.

В общем, вполне можно считать, что герои «Иронии судьбы» по своему складу относятся к той части интеллигенции, которая с восторгом приняла перестройку Горбачева и аплодировала Сахарову. А поскольку все эти герои — нестяжатели, люди бескорыстные, то они во время приватизации ничем не поживились и в банды не вступили. В чем же ирония судьбы? В том, что Э. Рязанов и близкие ему художники, снедаемые антисоветским чувством, с любовью отразили и тем самым во многом создали определенный социальный и духовный мирок — а этот мирок оказался возможен только когда он был окружен и защищен грубыми структурами советского жизнеустройства.

Э. Рязанов строил ту матрицу, на которой формировались и сходили с экрана в жизнь его герои, в надежде, что эта матрица своей этикой и эстетикой подавит, разложит и уничтожит советский генотип. И вот это произошло — и что же? Не просто этот мирок стал невозможен после гибели советского организма, но и выросший на его матрице культурный тип оказался грубо выброшен из жизни. Э. Рязанов стал соучастником убийства своего любимого творения. Это как если бы Юрий Деточкин сегодня украл автомобиль у Япончика, а потом попал в лапы к его охранникам!

Давайте подчеркнем этот момент: фильмы 70-х годов не просто отражали реальную интеллигенцию как социальную базу перестройки — они ее *создавали*, давали ее смутным еще импульсам форму и язык. Тургеневских барышень не было, пока их не описал Тургенев!

Культурные типы лепятся в идеологических лабораториях, поэтому надо изучать популярные фильмы и с этой стороны — какой тип они лепят?

Идеальным миром, к которому подсознательно стремится человек, бывает мир близкий, осязаемый — и в то же время недостижимый. Какие черты придал Э. Рязанов обитателям этого мира, какого рода его недостижимость? С одной стороны, это — наши типичные интеллигенты тех лет, с близкими этому кругу социальными чертами. Но в то же время они обладают неброскими признаками элитарности, аристократичности.

Конечно, тогда не хотелось замечать, что нет, не можем мы войти в их мир, что это — ложные образцы, манящие привидения. Начать с того, что обоим главным героям — далеко за тридцать, но у них нет семьи и нет детей. Похоже, и друзья их бездетны. У них поэтому есть время и ходить в баню, и бродить по городу, навещая друг друга. Уже одно это делает их особой кастой и придает особые черты их мировоззрению. Вспомните себя, инженеры и врачи, которые воспитывали детей в 70-е годы. «Мы разучились совершать сумасшедшие поступки!» — говорит герой. Ах, какой упрек плебеям, как им должно быть стыдно.

У героев фильма — энергичные, здоровые мамы, сохранившие достаточно сил, чтобы заботиться о быте своих великовозрастных детей, позволяя им и к середине жизни сберечь прыть и юность духа. В реальности же подавляющее большинство матерей того поколения — вдовы Отечественной войны, измученные непосильным трудом 30-50-х годов. Кому-то, конечно, повезло, и мамы добавили им возможности «совершать сумасшедшие поступки». Но и из этих тогда лишь немногие отщепились от общего ствола.

Каковы же «структуры повседневности» этих героев фильма? Мягкий, интеллигентный уют. Квартира в хорошем доме, довольно дорогая мебель, хрусталь и кофе, клетчатый плед. Полет в Ленинград — для них не бог весть какое приключение, такси тоже вещь привычная. Набор вещей и поступков, входящих в «культурную скорлупу» этих людей, говорит о материальном благополучии и устоявшихся культурных потребностях, ставших привычно удовлетворяемыми. Герои подтрунивают над тем, что дома в разных городах одинаковые, мебель одинаковая, даже ключи к дверям подходят. Ну, мол, и страна!

Герои фильма составляют братство, говорят на одном языке, понимают жесты друг друга. Условно говоря, «они ходят в баню», хотя у них в доме есть ванна — это подчеркивается на протяжении всего фильма. Отношения между ними тонкие, построены на нюансах, так что неспособный на сумасшедшие поступки Ипполит им не ровня, брак с ним был бы мезальянсом для героини. Он лишь на короткий миг становится почти своим, когда приходит пьяный и лезет в пальто под душ. Тогда он нравится тонкому интеллигенту. Но, в общем, Ипполиту с его суконным рылом конкурировать в этом ряду было бесполезно. А вполне разумные слова, которые он сказал «московскому гостю», лишь усилили отвращение к нему в глазах кинозрителя.

Этот уютный материальный и духовный мирок — их башня из слоновой кости, их экологическая ниша, в которой они отгораживаются от мира. Рождественская сказка допускает чудо — в этой нише случай соединяет две родственные души, и из нее кубарем вылетает чужак-Ипполит. При посторонних они споют про вагончик и про тетю, а душу выражают в стихах Ахмадулиной и Цветаевой. Свои профессии считают самыми важными (в шутку, конечно) и заметят, что им за их работу недоплачивают. Заметят без надрыва, с доброй иронией — они выше такой прозы.

Никаких особых мыслей в фильме прямо и не высказывается, реплики отрывочны и не связаны с сюжетом, но их подтекст зрителю тогда был близок, они легко укладывались в общую канву, так что искусственность рассуждений не замечалась (теперь, конечно, режет слух). Пожалуй, наибольшую нагрузку несло ложное утверждение, что «мы *разучились* совершать сумасшедшие поступки!» Во время коллективизации и войны умели, а потом разучились? Наоборот! Только получив, наконец, теплые квартиры и сытую жизнь, часть из нас стала этому учиться — и всех

обучать. А до этого у нас просто на такие поступки не было ни времени, ни денег, да и совесть не позволяла. Надо было детей кормить и матерям помогать. Было у каждого поколения время покуролесить — студентами, но не в сорок же лет.

Но вот что удивительно — эта надуманная элитарность и инфантилизм, переходящий в экзистенциальную безответственность, в 70-е годы были каким-то образом подхвачены и усвоены весьма значительной частью интеллигенции, причем даже людьми взрослыми, обремененными трудами и детьми. Они так и законсервировались до глубокой старости, в джинсах и кроссовках. Это — факт, который мы как-то не замечали или считали признаком тонкой духовной организации. И так пошло это обучение, что поступки их стали сводиться не к тому, чтобы сходить в баню и улететь спяну в Ленинград, а чтобы подпилить тот сук, на котором сидели. Да не только под собой, но и под совершенно посторонними людьми.

Близко зная интеллигентов подобного типа, могу сказать, что им и в голову не приходило, что из-за их шалостей люди могут лишиться не только пледа и хрустала, но и теплых квартир. Им всерьез казалось, что все эти квартиры и отопление, поезда и самолеты — не плод тяжелых постоянных усилий и определенной социальной организации, а дано от природы и исчезнуть не может, как воздух. Из-за их (и нашей) безответственности мы, идя по этой дорожке, оказались, как страна и культура, под угрозой исчезновения.

Ортега-и-Гассет писал: *«Вера в то, что бессмертие народа в какой-то мере гарантировано, — наивная иллюзия. История — это арена, полная жестокостей, и многие расы, как независимые целостности, сошли с нее. Для истории жить не значит позволять себе жить как вздумается, жить — значит очень серьезно, осознанно заниматься жизнью, как если бы это было твоей профессией. Поэтому необходимо, чтобы наше поколение с полным сознанием, согласованно озаботилось бы будущим нации».*

Когда мы смотрели «Иронию судьбы» в сытые застойные времена, мы и не замечали, как многозначительно представление интеллигентных героев фильма о природе социальных благ. Зато сегодня их реплики выглядят как философские утверждения. Мы уже говорили, как оба героя — врач из районной поликлиники и учительница — соглашались в том, что зарплата у них меньше, чем того заслуживают их профессии. При этом они как будто не замечают, что оба только что получили бесплатно просторные квартиры в хороших домах.

Известно, в каком доме около метро «Юго-Западная» в Москве снимался фильм, вот и возьмем нынешнюю рыночную цену этой квартиры — 100 тыс. долларов. Это эквивалентно зарплате нынешней учительницы за 100 лет работы. Нет, такую добавку к их зарплате ни учительница, ни врач 70-х годов не замечают. Как не замечают они и того, что на ту их «маленькую» зарплату они могли без большого потрясения для своего кармана полететь на самолете, взять такси и т.д. Они, как дети, не знают, что все это стоит больших невидимых денег, которые и даются им в виде благ как часть платы за их труд для общества.

Допустим, страна сегодня пока что лишь подвигается на грань катастрофы, не будем спорить с оптимистами. Но уютный мирок героев фильма уничтожен, причем жестоко, под корень, даже с глумлением — в том числе благодаря усилиям Э. Рязанова, Б. Ахмадулиной и прочих «певцов за сценой». Культурный тип, воспетый Э. Рязановым и соблазвивший немалую часть интеллигенции, стерт с лица земли. Нет уже здесь места для получения бесплатных квартир, для тонкости и гордости, для нюансов и недомолвок, для «сумасшедших поступков» на зарплату учительницы. Если ты честен — будешь вынужден вести жестокую борьбу за пропитание и жизнь твоих детей. А значит, станешь «как железные гвозди простым».

Эти тонкие интеллигенты с их лирическими камерными песнями под гитару были одним из украшений нашей жизни, и мы их искренне любили. Но их создатели встроили в них, как в гомункулов, ген саморазрушения. А от него пошел вирус, заразивший и их коллег. Плебеи

поднимутся, а этих сломали. Когда еще мы сможем позволить себе роскошь снова вырастить такие нежные цветы?

Интересно, понимает ли Э. Рязанов, что он участвовал в убийстве своего идеального создания — или, отряхнув его прах с ног, он стал к таким мелочам нечувствительным?

Когда в Интернете мы обсуждали первый вариант этой статьи, тема незаметно расширилась, и много говорили о странном художественном бесплодии в нынешних условиях как раз тех элитарных деятелей культуры, которые боролись за свободу от советского тоталитаризма. Вспомнили и надрывный, двусмысленный праздник «элиты» в новогоднюю ночь, показанный по телевидению. Один из виртуальных собеседников написал:

«Эти люди, в огромном своем большинстве, были на стороне врага в русской трагедии или, по крайней мере, приняли его сторону, стали частью сатанинского порядка, насаждаемого на обломках СССР. Фактически, подписали договор с нечистым. А это творческим расцветом, мягко говоря, не чревато — совсем наоборот. Мне кажется, что демократическая революция станет таким уроком всем русским людям, величину которого мы даже сейчас не вполне можем себе представить. Повседневная жизнь, “социальное бытие” как никогда близко подошли у нас к бытию потустороннему, inferнального характера. “Творческая элита” находится уже на тонкой грани между этими мирами. Отсюда — и выражение их рож. Ведь лицо, как известно, зеркало души. Самое интересное, что сама “элита”, кажется, не вполне это понимает».

Конец текста